

— Вы что, парни? — насторожились мы.

— Да страшно же. Трещины могут быть.

Хороший ответ. Что такое весенний лёд, что такое трещины и промоины, мы на Байкале изучили. Сопровождавший нас тиксинский товарищ недолго думая достал из объемистого рюкзака припасённое лекарство от страха, и мы тоже неплохо подлечились, хоть и не такой лихой дозой, как истые северяне.

Потом, вспоминая этот эпизод, подумалось, что это была маленькая шутка и одновременно тест: мужики вы или как? Вездеход, как потом оказалось, был плавающим и довольно легко одолевал потоки тундровой воды. Хотя... Но как бы то ни было, а «шутку» мы выдержали.

О Славе можно рассказывать много, но в этом малом воспоминании мне хотелось бы остановиться ещё на одном эпизоде, который, может, чуть полнее пояснит его человеческую особость.

Ранней весной мы возвращались на автомашине из Тункинской долины. В Култуке остановились метрах в пяти от дороги на короткий отдых перед оставшейся сотней километров до Иркутска. Расслабились... И в этот момент я ощутил, как что-то рухнуло на машину и сокрушающей тяжестью поволокло нас в неизвестность. Было полное ощущение того, что машина со скрежетом разваливается на куски и страшная, неизвестная тяжесть сейчас раздавит и нас. И я, как бы со стороны, услышал свой вскрик. И одновременно чёткий, но без особых эмоций, как бы всего лишь констатирующий события, голос Славы: «Нас нет!»

Но через мгновение безумная пелена рассеялась и стало понятно, что в машину въехал громадный, пьяный в дробадан, многотонный МАЗ и отбросил от обочины еще метров на десять, смяв полностью багажник и заклинив задние колёса нашей машины. Потом я, вспоминая этот случай, пытался осмыслить, почему я орал, а Слава чётко и спокойно подвел итог.

Мне кажется, что в этом секундном эпизоде наиболее полно проявилась суть Ростислава Владимировича Филиппова, прекрасного поэта и философа по жизни. Я повторюсь. Он жил без суеты. Жил как мог, как хотел. Он не имитировал жизнь, как это часто бывает, и не откладывал её на будущее. А это редкий дар.

ВАЛЕНТИН РАСПУТИН

«ГОСПОДИН СЛАВА»

Вспоминается, вспоминается, вспоминается...

И этот день от начала до конца так легко вспоминается, словно это было только вчера.

В сентябре 1989 года в Иркутск неожиданно прилетела моя японская переводчица Харуко Ясуока, к тому времени прекрасно овладевшая русским языком и уже однажды побывавшая в Иркутске. Этот ее приезд был для меня неожиданным, по телефону она только и сказала, что ей необходимо окончательно выяснить некоторые детали перевода.

Когда я встретил ее ранним утром в аэропорту, меня удивила некоторая громоздкость ее багажа, иностранцы обычно ездят налегке. В гостинице я не стал ее ни о чем расспрашивать — пусть отдохнет. А часа через три снова пришел, чтобы сопроводить гостью в наш дом. Немалая часть японского багажа последовала, как и надо было ожидать, за нами. И только когда мы сели у нас за стол, картина стала проясняться. Харука прилетела, чтобы спасти нас от голода, который японские газеты слишком преувеличивали.

Что было делать? Внучка уже всюю тормозила пакеты, Харука ей помогала. Правильней сказать, что внучка по настоянию Харуки открывала пакеты. В конце концов нам с женой тоже пришлось сдаться и приняться за иноземные дары.

Я вкушать-то вкушал, но одновременно размышлял: сегодняшний день на исходе, а что делать завтра? В Листвянку? Но в Листвянке Харука уже бывала и тамошним Байкалом ее не удивишь. Я позвонил Ивашковскому, корреспонденту одной из московских газет. Володя, говорю, так и так. Японка мечтает накормить нас так, чтоб мы по гроб жизни помнили. Японскими кушаньями, понимаешь? Но сначала надо отвезти нашу гостью на Байкал куда подальше. «Сейчас позвоню Славке, — недолго размышлял Ивашковский. — У него там, недалеко от Листвянки, друг-товарищ, и он, этот друг-товарищ, сейчас только тем и живет, что гоняет катер».

Через полчаса позвонил и Слава. «Ребята согласны и уже дряют катер, чтобы он смотрелся как новенький».

Утро еще не разогрелось, когда мы неподалеку от Листвянки пересели с машины на катер, убедились, что омуль ночного дова едет с нами, и вышли в море, держась левой стороны, чтобы быстрее попасть в Большое Голоустное, когда-то большой поселок, но к этой поре достаточно захиревший. Всю дорогу Слава развлекал гостью байкальскими историями, которые будто случаются здесь чуть не каждый день. Харука не верила, но все-таки посматривала на Байкал с тревогой. Мы с Володией успокаивали ее, объясняя, что штормы здесь начнутся примерно через месяц.

Мы причалили уже близко к обеду, на берегу не было ни единой души. Володя со Славой принялись разводиться костер и чистить рыбу, а мы с Харукой отправились в небольшую пустошку слева, которая аккуратно спускалась сверху до самого каменишника. Я в этой пустошке бывал не единожды, но рыжики здесь, конечно, водились не каждый год. В этом — водились. Последний грибник побывал здесь примерно дня три назад, ровно столько, чтобы поднялся новый урожай. Минут за двадцать мы с Харукой до отказа наполнили свои посудинки. Слава, принявший уже первую небольшую дозу, был в самом счастливом расположении духа. Из котелка Харуки он вынул самый привлекательный рыжик, дунул на него и раз, и другой, затем ножиком снял какую-то соринку и захрумкал глядя на Харуку. «Разве это не опасно?» — осторожно спросила она. «Милая, — отвечал он, — какая опасность? Если бы вы все с детства употребляли бы природные продукты, разве такой сейчас стояла бы ты передо мной. Да тебя и обнять было бы невозможно».

Харука на всякий случай отодвинулась от него. За обедом лучше всего пошла у нашего брата дикая пицца. Японский продукт попробовали, похвалили.

Но — дикари же! Принялись за омуля и за рыжики. Харука, напротив, попробовав дикую пищу, клевала свое. Пообедали вдоволь, прогулялись по берегу, и пришла пора отчаливать. К тому же и покачивало.

На катере принялись за песни; пели, в основном, Слава и Володя Ивашковский, и тот и другой знали их на удивление хорошо. Харука была в восторге. Затем еще подкрепились, и разговор сам собой перешел на японскую литературу. Харука на-

звала новые имена, которые до нас еще не дошли, а Славу интересовали именитые, переводившиеся в том числе и у нас. Для меня тоже было новостью, сколь многих он знает — и не по именам только, а по книгам.

Прежде всего Слава назвал Акутагаву Рюноске, но все мы, в том числе и Харука, не могли вспомнить, как назывался его роман. У Ясунари Кавабаты роман «Снежная страна». У Кобо Абэ романы «Опоздавшая молодежь», «Чужое лицо» и еще, еще — Харука гладила свой лоб, чтобы расшевелить его, и вспомнила: «И объяли меня воды до души моей», а Слава добавил: «А еще у него — «Женщина в песках».

Там были и другие имена, но их я не помню. Покончив с японской литературой, Слава с воодушевлением поднялся, чмокнул Харуку в щечку и заявил, что вот теперь можно перейти на японскую пищу. Ею мы и занимались до самой Листвянки, а там пересели в ожидавшую нас машину и — в Иркутск.

А через два дня я проводил Харуку домой. Она писала нечасто, но с той поры в каждом ее письме была просьба передать приветы «господину Славе».

ВАЛЕНТИНА СЕМЕНОВА

НЕ СКАЖУ, ЧТО МЫ ДРУЖИЛИ...

Мне даже кажется, он меня недолюбливал. И это, в общем-то, понятно. Сказывалась разница поколений, опыта и, конечно, характеров.

Ростислав Филиппов пришёл к нам в издательство уже довольно известным поэтом и не новичком в издательском деле. Он понимал, что литература состоит не из одних вершин: есть текущий литературный процесс, и в разное время он разный — подъём сменяется спадом и наоборот. Мы же, в то время молодые редакторы, настроены были на «гамбургский счёт», говоря его же словами. Мы — это В.Горновская, Г.Суслова и я. Ещё работая в корректорской, мы сдружились на чтении — и по службе, и сверх неё. Нас волновала современная литература, мы выписывали по несколько толстых журналов, обменивались ими, а там! Мощно развернулась «деревенская» проза, открылись глубины «военной», выдавала свои эталоны городская исповедальная, в «Иностранке» (так мы называли журнал «Иностранная литература») входил в зенит латиноамериканский роман. В поэзии «громких» начинали теснить «тихие» лирики, более проникновенные и тонкие по чувству. Всё это горячо обсуждалось в редакции художественной литературы, где мы снова собрались.

Можно представить наши критерии в оценке местной литературы. Сказать «нет» графоману мы считали делом своей чести. Но мы не были уж такими снобами — знали, что в Иркутске могут появиться Распутин и Вампилов, и потому старались «не проглядеть». Но нам доставались — увы! — не самые высокие образцы. Лучшие представители «Иркутской стенки» к началу 80-х печатались сразу в Москве, от них изредка перепадали переиздания, а талантливая поросль подходила недружно и с запозданием. И не её в том вина: начинали сказываться послевоенные провалы в поколениях. Я с непроходящей болью думаю о том, скольких гениев мы лишились, из-за того что им не суждено было родиться.